

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76291 EDN: NNTBOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76291

Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса

Чекрыгин Олег Всеволодович

ORCID: 0009-0007-4393-1445

кандидат философских наук

независимый исследователь

115419, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, 24

✉ ochek@bk.ru

Надеина Дарья Александровна

ORCID: 0009-0006-6063-8171

независимый исследователь

115682, Россия, г. Москва, ул. Ореховый, 59

✉ Bogoslovblog@gmail.com

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.76291

EDN:

NNTBOG

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2025

Дата публикации:

23-10-2025

Аннотация: Статья посвящена критическому пересмотру источниковедческой базы в рамках проблемы «исторического Иисуса». Авторы ставят под сомнение устоявшуюся в академической библеистике хронологию новозаветных текстов, доказывая, что

традиционная датировка синоптических Евангелий (Матфея, Марка и Луки) серединой I века является необоснованной. В качестве ключевого аргумента выдвигается тезис о приоритете «Евангелия Господня» Маркиона (ок. 140 г.), которое рассматривается как первичный синоптический текст, в то время как канонические синоптики являются более поздними (вторая половина II в.) и тенденциозно отредактированными компиляциями. Внутри христианской традиции авторы подвергают сомнению достоверность синоптических Евангелий, указывая на «молчание» апостола Павла, мужей апостольских и раннехристианских авторов, которые не демонстрируют знакомства с этими текстами в их канонической форме до конца II века. Авторами применяются как междисциплинарный подход, так и классический историко-критический. На основе анализа внебиблейских свидетельств (Иосиф Флавий, Тацит, мандейская литература) делается вывод об их крайне ограниченной ценности в силу позднего происхождения и зависимости от сложившихся нарративов. Кардинальный хронологический сдвиг датировки синоптических евангелий позволяет предложить новую иерархию источников. На первый план выходят Евангелие от Иоанна и, в особенности, Евангелие от Фомы, которое, по мнению авторов, содержит наиболее древний пласт речений (логий) Иисуса и может рассматриваться как претендент на роль гипотетического источника Q. Синоптики, в свою очередь, далее рассматриваются как вторичный источник сомнительной достоверности. Этот пересмотр ведет к радикальному переосмыслению образа Иисуса: он предстает не как мессия в рамках иудаизма Второго Храма, а как антагонист библейской традиции, проповедник иного Бога – Отца Небесного. Таким образом, исследование предлагает полную ревизию научной парадигмы «поисков исторического Иисуса», ставя под вопрос устоявшийся консенсус о его иудейском контексте и центральности синоптической традиции.

Ключевые слова:

синоптические евангелия, датировка, Маркион Синопский, псевдоэпиграфы, источниковедение, аргумент молчания, мужи апостольские, Папий Иерапольский, реконструкция, Евангелие от Иоанна

Введение

Концепция «исторического Иисуса» представляет собой результат научной реконструкции его личности и биографии, основанной на методологии исторической науки и данных римских и иудейских источников.

Традиционная парадигма, все еще следуя Д.Ф. Штраусу (1835–1836)^[1], отдает приоритет синоптикам, датируемым серединой I в., над Евангелием от Иоанна (конец I – начало II вв.)

Множественность научных реконструкций свидетельствует, что лишь немногие факты об Иисусе установлены с уверенностью. Тем не менее, существует консенсус по ряду положений: приоритет синоптиков перед Евангелием от Иоанна; контекстуализация Иисуса в иудаизме Второго Храма; центральность проповеди о Царстве Божьем; репутация чудотворца; распятие при Понтии Пилате. Дискуссия о принадлежности Иисуса к апокалиптическому иудаизму^[2] утратила былую активность, поскольку ученые расходятся в конкретике его эсхатологических ожиданий.

Между тем, современные исследования в области датировки древних источников

позволяют пересмотреть проблему «исторического Иисуса». Авторы данного исследования фокусируются на оценке достоверности источников сквозь призму их датировки. Цель настоящего исследования — проанализировать возможное влияние новых датировок на оценку достоверности источников и выявить последствия этого для научной парадигмы «поисков исторического Иисуса».

Обзор научной литературы

Зарождение «поиска» связано с деятельностью Германа Реймаруса [\[3\]](#) [\[4\]](#), а дальнейшее развитие — с исследованиями Э. Ренана [\[5\]](#)[\[6\]](#) И. Вейса [\[7\]](#) и Альберта Швейцера [\[8\]](#).

С 1920-х гг. в немецкоязычной библеистике возобладали агностические подходы, акцентировавшие скудость достоверных сведений об Иисусе, что было обусловлено влиянием Р. Бультмана, полагавшего возможным установить лишь базовые факты (1926) [\[9\]](#). Перелом наступил в 1953 г., когда ученики Бультмана разработали критерии установления достоверности преданий. Ранним образцом этого направления стала работа Г. Борнхама (1956), противопоставлявшая Иисуса иудаизму [\[10\]](#).

Новый рост интереса к «поиску исторического Иисуса» отмечается с середины 1980-х гг. Деятельность «Семинара по Иисусу» (Jesus Seminar, 1985–1998) в США привела к отказу от швейцеровской эсхатологической концепции и осмыслению Иисуса как контркультурного учителя, оспаривавшего социальные нормы [\[11\]](#). С. Дейвис (1995) характеризовал его прежде всего как целителя и мистика [\[12\]](#). Согласно М. Боргу, Иисус был многогранной личностью: мистиком, целителем и учителем-приточником, противопоставлявшим ритуальной чистоте сострадание; позднее ученый перешел к «партиципаторной» модели, где человек выступает соработником Бога в установлении Царства [\[13\]](#).

С 1980-х гг. развернулся «третий поиск исторического Иисуса», сместивший фокус на изучение исторической Галилеи. В отличие от предшествующих этапов, базировавшихся преимущественно на текстуальном анализе Писания и апокрифов, третий этап привлек данные истории и археологии Галилеи с тем, чтобы исследовать социальную и этнорелигиозную среду, в которой предположительно формировалась личность Иисуса [\[14\]](#).

К «поиску» подключились и церковные историки, использовавшие научную методологию для обоснования достоверности Евангелий. Наибольшую известность получили работы Н.Т. Райта [\[15\]](#), интерпретирующего Иисуса как Мессию и эсхатологического пророка, но трактующего эсхатологический язык метафорически. Резонансной стала также попытка Р. Бокема доказать, что Евангелия, включая Иоанново, основаны на свидетельствах очевидцев [\[16\]](#).

Однако, современные работы Рота [\[17\]](#), Клингхардта [\[18\]](#) и Винсента [\[19\]](#) позволяют предположить, что «Евангелие Господне» Маркиона (опубликовано ок. 140 г.) является *пресиноптическим* текстом, что, предположительно, может сдвинуть датировку синоптиков к середине – концу II в. Данное хронологическое смещение в случае его признания мейнстримной наукой может повлиять на возможность пересмотра прежних реконструкций.

Исторические источники сведений об Иисусе

Корпус внебиблейских упоминаний об Иисусе в исторических источниках предельно ограничен и насчитывает всего лишь три ключевых свидетельства:

1. Единственное неоспариваемое упоминание у Иосифа Флавия (37–100 гг.) содержится в «Иудейских древностях» [\[20, кн.18:9:1\]](#): «Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями».

О том же Иакове сообщает Евсевий Памфил (IV в. н.э.) в «Истории церкви» [\[21\]](#) В первой главе второй книги он, ссылаясь на утраченные «Очерки» Климента Александрийского (150-215), пишет: «...избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного... Этого "Праведного" упоминает и Павел: "Из апостолов я никого не видел, кроме Иакова, брата Господня"». В 23-й главе той же книги Евсевий, цитируя не сохранившиеся «Записки» Егезиппа (сер. II в.), приводит развернутое описание Иакова как аскета-назорея, пользовавшегося исключительным авторитетом в Иерусалиме и даже правом входа во Свята Святых.

Возникает историко-логический казус: сын галилейского плотника неожиданно предстает в столице как «брат Господень» и одновременно – как признанный фарисейский праведник, обладающий уникальными привилегиями в Храме. Возможным объяснением данного противоречия могла бы стать гипотеза о том, что Иаков иерусалимским фарисеем, провозгласившим себя братом Воскресшего с целью возглавления иудеохристианской секты в Иерусалиме. В этом случае, однако, пришлось бы признать, что апостолы, упоминаемые в Деяниях и посланиях Павла как пребывавшие в Иерусалиме, не являются теми самыми Петром и Иоанном, представленными в канонических евангелиях, поскольку настоящие апостолы, имевшие личные отношения с семьей Иисуса, не смогли бы признать в Иакове брата Господня. Таким образом, можно предположить, что Иаков «брат Господень» не имел реальных отношений к историческому Иисусу, но использовал нарратив о Нем для консолидации новой иудейской мессианской общины.

2. Упоминание у Тацита в «Анналах» (116 г.) [\[22, кн. 15, гл. 44\]](#): «Христос (Иисус – прим. авт.), от которого произошло это имя (христиане – прим. авт), во время правления Тиберия подвергся жесточайшей казни от рук одного из наших прокураторов, Понтия Пилата, и самое пагубное суеверие, на какое-то время подавленное, снова вспыхнуло не только в Иудее, первом источнике зла, но даже в Риме...».

3. Фрагмент из мандейской «Книги Иоанна» [\[23, гл. 30\]](#), где содержится диалог между Иоанном Крестителем и Иисусом, обвиняемым в том, что он «лгал евреям», «обманул народ, священников», «нарушал субботу» и «трубил во всеуслышание». Иоанн Креститель здесь выступает как ревнитель иудаизма, что с точки зрения его преданности мандейской религии другого, нееврейского, божества Хайи Рабби (Великий Свет), выглядит не вполне убедительно. Последнее обвинение Иоанном Иисуса может как раз свидетельствовать об эзотерическом характере первоначального мандейского учения как ревниво охраняемого от посторонних тайнознания, разглашение которого – грех. В целом же, обвинения же в адрес Иисуса как нарушителя иудейского закона, вложенные в уста Иоанна, демонстрируют возможное влияние позднейшей иудейской полемической традиции, впоследствии инкорпорированной в мандейский текст.

Резюмируя анализ внебиблейских источников, следует констатировать их позднюю по отношению к евангельским событиям датировку, что исключает возможность опоры на

свидетельства очевидцев и позволяет говорить лишь о фиксации сложившихся к тому времени нарративов и слухов. Следовательно, их ценность как собственно исторических свидетельств об Иисусе является до известной степени условной.

Что же касается корпуса библейских источников (канонических и апокрифических), то авторы, опираясь на работы М. Винсента, М. Клингхардта и Д.Т. Рота, а также их предшественников (А. фон Гарнака и др.), считают возможным, что синоптические евангелия представляют собой поздние компиляции (не ранее 150 г.) «Евангелия Господня» Маркиона (140–144 гг.), то есть являются вторичными текстами, не обладающими самостоятельной достоверностью. Само «Евангелие Господне» также несет на себе заметные следы редакторских вкраплений в текст, восходя к мессианскому иудеохристианству. Более ранним по отношению к обозначенному выше сроку появления маркионова «Евангелия Господня» 140-м годом и, в силу этого, возможно, заслуживающим большего доверия, чем весь корпус синоптических евангелий, представляется Евангелие от Иоанна, хотя и в нем обнаруживаются следы более поздних интерполяций, контрастирующих с общей антииудейской направленностью текста. Наконец, Евангелие от Фомы, не включенное в канон и, предположительно, содержащее наиболее древний пласт логий, может рассматриваться как источник, в наибольшей степени приближенный к аутентичному учению исторического Иисуса.

Датировка источников

Классическая датировка канонических евангелий, доминирующая в современной библеистике, формулируется по стандартной схеме: «Время создания достоверно установить невозможно, но...», после чего следует апелляция к мнению «большинства ученых», склоняющихся к более или менее обоснованным предположениям. Литература по данному вопросу необозрима, и в качестве репрезентативного примера можно указать на фундаментальный труд Б. Мецгера «Канон Нового Завета»^[24]. Согласно этим консенсусным датировкам, Матфей относится к 50–60-м гг. I в., Марк — к 60–70-м, Лука — к 70–80-м, а Иоанн, позиционируемый как «наименее достоверный», — к 90–100 гг.

Характерна аргументация, приводимая в пользу сомнительности Евангелия от Иоанна. В работе Г. Ястребова «Кем был Иисус из Назарета»^[25] утверждается, что текст евангелия внутренне противоречив: сочетает высокую философию и конфликт с иудаизмом. Автор предполагает, что община, стоявшая у истоков текста, была *отлучена от синагоги* после рационализации мистического опыта, а сами речи Иисуса представляют собой конгломерат слов исторического Иисуса и откровений Воскресшего, что делает их исторически неverifiedируемыми. На этом основании делается вывод о предпочтительности исключения данного евангелия из исторической реконструкции.

Подобная аргументация заслуживает критического осмысления. Основной «недостаток» четвертого евангелия усматривается не в исторических или текстологических проблемах, а в его острой полемике с иудаизмом, что косвенно трактуется как признак недостоверности. Создается впечатление, что христианство априори рассматривается как часть иудейской традиции, а любая антииудейская риторика в устах Иисуса объявляется анахронизмом. Тезис о смешении речей «земного» и «воскресшего» Иисуса, при отсутствии признаваемой автором *самой возможности* такого различия, выглядит малоубедительным. Таким образом, под видом научной осторожности осуществляется идеологически мотивированное исключение ключевого источника, неудобного своей антииудейской направленностью.

Обратимся к обоснованиям ранней датировки синоптиков. Обширность вторичной

литературы контрастирует с скудостью первичных аргументов. Фундаментальным, по сути, считается *единственный* аргумент – свидетельства Папия Иерапольского (ок. 70-155 гг.) *в двух цитатах*, сохраненные Евсеем Кесарийским [\[21, кн. 3, гл. 39:14-17\]](#). Папий упоминает Марка как переводчика Петра, записавшего воспоминания апостола бессистемно, и Матфея, составившего «беседы Иисуса по-еврейски».

Однако критический анализ этих цитат демонстрирует их недостаточность в качестве доказательства авторства канонических евангелий. Упоминаемый Марк фиксировал разрозненные предания, а не связное повествование. Сообщение же о «еврейском» оригинале Матфея противоречит данным текстологии, указывающим на греческий оригинал этого евангелия [\[26\]](#) (блаженный Иероним Стридонский утверждает, что ему довелось видеть оригинальное Евангелие от Матфея на древнееврейском языке, находившееся в Кесарийской библиотеке, собранной мучеником Памфилом [\[27\]](#)). Таким образом, «записи», о которых говорит Папий, вряд ли могут быть отождествлены с каноническими текстами [\[28, 29\]](#). Прочие аргументы в пользу ранней датировки были убедительно опровергнуты в монографии М. Винсента [\[19\]](#). Прямых документальных свидетельств существования синоптических евангелий до 140 г. не существует.

В то же время, согласно уже упомянутым выше современным исследованиям Рота [\[17\]](#) и Клингхардта [\[18\]](#) было восстановлено «Евангелие Господне» Маркиона, входившее в его первый Новый Завет наряду с корпусом десяти Посланий Павла. Начало этому в свое время положил еще А. фон Гарнак, но «Уайт, Гарнак и Нокс имели в своем распоряжении недостаточно легитимный объем оригинального маркионова текста для доказательства большинства своих выводов, которые были справедливо раскритикованы целой плеядой исследователей и к концу XX в. “сданы в архив” истории науки» [\[30\]](#). Однако, в 2015 году два исследователя, Дитер Т. Рот и Маттиас Клингхардт, независимо друг от друга представили новые реконструкции текста Евангелия Маркиона. Рот создал детальную реконструкцию на греческом, оценив достоверность различных фрагментов, а Клингхардт, используя в том числе ранние латинские версии Евангелия от Луки, предложил собственную версию греческого оригинала, сопроводив её сравнительным анализом с каноническими евангелиями.

Выводы Клингхардта оказались революционными: он утверждает, что каноническое Евангелие от Луки является переработанной версией текста Маркиона. На этом основании он идентифицирует евангелие Маркиона как «пресиноптическое» (то есть созданное до других синоптических евангелий), датирует Евангелие от Луки II веком н.э. и ставит под сомнение существование гипотетического источника Q. Эти идеи были представлены и обсуждались в 2016 году на сессии Общества исследователей Нового Завета под названием «Евангелие Марсиона и Новый Завет: катализатор или последствия?» [\[31\]](#)

В 2017 году известный специалист по Тертуллиану П.А. Грамалья выпустил книгу с критическим разбором работы Клингхардта. Проведя лексический анализ, он также обнаружил в тексте Маркиона характерные для Луки языковые особенности. Однако, в попытке защитить независимость канона, Грамалья предложил «гипотезу двух изданий Луки». Согласно ей, Маркион использовал не более ранний самостоятельный текст, а первое издание Евангелия от Луки, в то время как римские епископы имели его вторую, доработанную версию [\[31\]](#).

Таким образом, масштабная работа Клингхардта в целом подтвердила точку зрения таких

учёных, как Дж. Нокс, считавших евангелие Маркиона первоисточником для синоптических. Спустя восемнадцать веков осуждения, репутация Маркиона в современной библеистике была восстановлена.

Принимая условно консенсусную датировку Евангелия от Иоанна рубежом I–II вв. и учитывая упомянутые новейшие исследования, предполагающие возможный сдвиг датировки синоптиков как предполагаемых компиляций «Евангелия Господня» Маркиона, датированного около 140 г., во вторую половину II в., мы сталкиваемся с напрашивающимся парадоксальным выводом: вполне вероятно, что не Иоанн заимствовал у синоптиков, а, напротив, синоптическая традиция, включая Маркиона, использовала материал иоаннова евангелия.

Особый интерес в этом контексте представляет Евангелие от Фомы, датировки которого характеризуются разбросом от 60 вплоть до 140 гг. Однако, авторы предпочитают предположение датировок более ранних, в пределах I века, чем поздних. Сама его форма (собрание логий) свидетельствует о примитивном, архаичном характере памятника, что является аргументом в пользу его древности. Утверждения о 50% схожести с синоптиками, в предположении принятия новой хронологии, указывают не на зависимость Фомы, а – наоборот – на его использование более поздними авторами. В этом случае упрощение и банализация ряда сложных логий от Фомы к синоптикам (ср., например, Лог. 52 у Фомы и Лк. 16:13) может также подтвердить этот тезис. Таким образом, Евангелие от Фомы в том числе может рассматриваться как реальный претендент на роль гипотетического источника Q.

Достоверность околобиблейских источников

Приходится констатировать, что весь корпус околобиблейских источников характеризуется низкой степенью достоверности в силу своей очевидной лингвистической вторичности. Исторический Иисус и его ученики были галилеянами, вероятно, неграмотными и говорившими на арамейском, в то время как евангелия созданы на литературном греческом языке, что исключает возможность их прямого авторства со стороны апостолов. Следовательно, тексты евангелий в лучшем случае представляют собой фиксацию устных преданий, записанных неизвестными компиляторами со слов неустановленных свидетелей.

В то же время сомнение в достоверности касается, прежде всего, описания событий, при устной передаче которых неизбежно возникают искажения, подобные эффекту «испорченного телефона»: нарративы подвергаются гиперболизации и мифологизации для усиления драматизма и значимости рассказчика. Тогда как речевые блоки, такие как притчи и монологи, в процессе передачи имеют тенденцию к упрощению и редукции сложных смыслов. Яркой иллюстрацией данной тенденции служит эволюция логий Иисуса: их изначально загадочный и многозначный характер в Евангелии от Фомы последовательно нивелируется в более поздних текстах, таких как Евангелие Маркиона, где они нередко низводятся до уровня расхожих дидактических максим.

Критика достоверности Евангелия от Иоанна со стороны академической библеистики, при всей ее глубокой научности, нередко маскирует зачастую предвзятое сомнение исследователей в его идеологической подоплеке, носящей порой вызывающий характер противопоставления самим Иисусом себя и своих воззрений традиционной библейской парадигме. Главным «недостатком» текста оказывается его радикальная антииудейская направленность, которая ставит под сомнение конвенциональную теорию об иудеохристианской «авраамической» преемственности, особенно активно

разрабатываемую в последнем столетии.

Благодаря синоптическому корпусу, очевидно, подвергнутому последовательной редакторской правке, христианство было в значительной степени трансформировано в инструмент проповеди верований Еврейской Библии (Танаха). Это привело к парадоксальной ситуации, в которой центральные фигуры иудейского культа — библейские патриархи и пророки — зачастую известны пастве лучше, чем собственно учение Иисуса, а теонóm Иегова, наделенный в текстах Ветхого Завета чертами, не характерными для проповеданного Иисусом царства любви, почитается как Бог-Отец. Более того, христологическая доктрина, увязывающая Иисуса как Сына Божьего с мессианскими ожиданиями иудаизма, создает непреодолимое логическое противоречие, представляя Его «Царем Иудейским» — титулом, для христиан изначально имевшим издевательский характер в виде надписи Пилата на крестной табличке Иисуса.

Аналогичная ситуация складывается с Евангелием от Фомы, не включенным в канон и отнесенным церковной рецепцией к числу апокрифов. Анализ его содержания не обнаруживает в нем неких сокровенных «тайн» или мистических ключей к бытию. Содержащиеся в тексте иносказания, с точки зрения авторов, являются зашифрованной реакцией на острые религиозно-политические дискуссии эпохи, обсуждение которых в открытой форме было сопряжено с риском. Последующая интерпретационная традиция, как гностическая, так и ортодоксальная, несмотря на все попытки, не смогла выявить в нем сколь-либо достоверно внятной и последовательной мистической системы, что свидетельствует об отсутствии таковой в исходном тексте. И потому признание этого текста аутентичным источником подлинных логий Иисуса представляется не только актуальным, но и весьма запоздалым с точки зрения ценности его возможного вклада в восстановление подлинного Учения Иисуса, по мнению некоторых ученых ^[28] частично утраченного Церковью за два тысячелетия ее преданности «авраамическому» иудеохристианству.

Что касается синоптических евангелий, то на сегодняшний день можно предполагать в общих чертах доказанным их вторичный и компилятивный характер. При условии принятия этой доктрины становится очевидным, что все три представляют собой поздние редакции «Евангелия Господня» Маркиона, подвергшиеся целенаправленной редакторской правке. Целью этой редактуры авторы считают интеграцию фигуры Иисуса в контекст иудейской мессианской традиции (через приписывание ему происхождения от Давида) и реинтерпретацию Его учения как проповеди иудаизма среди христиан из числа бывших язычников (Мф. 28:19).

Подведение итогов

Систематизируем установленные факты, касающиеся датировки синоптических евангелий.

1. *Молчание Павла.* В корпусе канонических павловых Посланий (14 текстов) отсутствуют какие-либо упоминания о существовании письменных евангелий. Встречающиеся в Посланиях имена Марка, Матфея и Луки никак не связаны с авторством синоптических евангелий, а сам термин «евангелие» употребляется исключительно в значении устной проповеди. Это молчание представляется значимым, учитывая хронологическое пересечение периодов предполагаемого создания евангелий (40–70-е гг.) и деятельности Павла (50–60-е гг.).

2. *Молчание апостольских посланий.* В апостольских посланиях, включая те, что приписываются Иакову, Петру и Иоанну, нет ссылок на евангельские тексты или их

авторов. Упоминания о Марке (1 Пет. 5:13) носят бытовой, а не литературный характер и не идентифицируют его как евангелиста.

3. *Молчание мужей апостольских.* Мч. Иустин упоминает «евангелия» в первой из своих «Апологий» [32, 1:66:3] в следующем контексте: «Ибо апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями...», но нужно понимать, что, во-первых, в греческом языке эллинистической эпохи (койне) термин εὐαγγέλιον означал «благая весть» [33]: εὖ «хороший» + ἄγγελος «посланник» + словообразовательный суффикс -ιον, то есть, буквально «хорошее послание», а вовсе не то религиозное значение, которое в наше время придается конкретным текстам Нового Завета; а во-вторых, Иустин Мученик писал свои «Апологии» в период 149-155 гг., когда уже на протяжении десятилетия общеизвестным являлось «Евангелие Господне» Маркиона, обнаруженное в 140-м году. Имел ли ввиду Иустин под «сказаниями апостолов» именно это евангелие, доподлинно установить невозможно, но конкретного авторства упомянутого им εὐαγγέλιον он не приводит – тем более, что из апостолов единственным автором своего четвертого евангелия предположительно является Иоанн Богослов, входивший в число «двенадцати», но никак не маловестные Марк, Матфей и Лука.

4. *Проблематичность свидетельства Папия.* Упоминания Папием (в передаче Евсевия) Марка и Матфея, очевидно, не могут служить доказательством авторства канонических текстов. Упомянутые им записи (бессистемные воспоминания Марка, «беседы» Матфея на еврейском) принципиально отличаются от литературно оформленных синоптических евангелий. Лука в этом контексте не упоминается вовсе.

5. *Отсутствие прямых цитат.* Анализ текстов мужей апостольских не обнаруживает дословных цитат из синоптических евангелий. В исследовании Койсина [34] систематизированы случаи предполагаемых заимствований: Игнатий Богоносец демонстрирует 7 текстуальных параллелей без указания источников; Климент Римский — 5 аналогичных случаев; Псевдо-Варнава — 5 параллелей (при этом само послание признано псевдоэпиграфом с вероятной датировкой V веком); Поликарп Смирнский — 10 случаев, однако его послание создавалось после 140 года, в период активной антимаркионитской полемики, когда текст Евангелия Маркиона уже получил распространение. Таким образом, совокупный корпус релевантных текстовых соответствий сводится к 12 неатрибутированным параллелям у двух авторов, лишенным как прямых отсылок к евангельским текстам, так и точной текстуальной идентичности. Наблюдаемые совпадения правомерно интерпретировать как отражение общих мест устной традиции, что создает основания для гипотезы об обратном заимствовании: именно редакторы канонических синоптических евангелий могли использовать раннехристианские писания в качестве одного из источников при формировании своих текстов, а не наоборот, как это принято считать «большинством ученых».

6. *Приоритет Евангелия Маркиона.* Первым исторически засвидетельствованным синоптическим текстом, согласно приведенным выше доводам, можно считать «Евангелие Господне» Маркиона (ок. 140 г.). В пользу этой версии первичности маркионова текста также свидетельствует отсутствие упреков в адрес Маркиона за «урезание», казалось бы, уже общеизвестного евангелия от Луки на протяжении целых сорока лет от его представления Маркионов в 140-м году вплоть до последней четверти II века.

7. *Хронологический разрыв.* Сведения о канонических синоптических евангелиях и их авторах появляются лишь около 180 г. (Мураториев канон, Ириней Лионский).

Сорокалетний разрыв между появлением текста Маркиона и первыми упоминаниями других синоптиков ставит под обоснованное сомнение их существование в более ранний период.

Окончательный вывод.

Совокупность представленных данных позволяет предполагать, что синоптические евангелия в их канонической форме не существовали до середины II века. В таком случае «Евангелие Господне» Маркиона предстает первым зафиксированным текстом этого типа. Канонические же евангелия от Матфея, Марка и Луки в свете этого допущения представляют собой более поздние псевдоэпиграфические редакции, созданные в рамках полемики с маркионизмом и поименованные известными личностями для придания им авторитета «от апостолов». Данный хронологический сдвиг (со второй половины I на вторую половину II века) может кардинально изменить источниковедческую базу «поисков исторического Иисуса», переведя синоптиков в статус более поздних компиляций, и выводя на первый план такие тексты, как Евангелие от Иоанна и Евангелие от Фомы, в которых Иисус более представлен как антагонист библейского иудаизма и проповедник другого, не библейского, Бога, Отца Небесного.

Библиография

1. Strauss D. F. Das Leben Jesu : kritisch bearbeitet. – Tübingen : C. F. Osiander, 1835–1836.
2. Bauckham R. Jesus and the eyewitnesses : the Gospels as eyewitness testimony / R. Bauckham. – Grand Rapids, MI : William B. Eerdmans, 2006.
3. Reimarus H. S. Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes. 1 / Hermann Samuel Reimarus ; hrsg. von G. Alexander. – Frankfurt am Main : Insel-Verlag, 1972.
4. Reimarus H. S. Reimarus, fragments / H. S. Reimarus ; transl. by C. H. Talbert. – Philadelphia : Fortress, 1970.
5. Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Рец. на: Джеймс Д. Данн. Новый взгляд на Иисуса: Что упустил поиск исторического Иисуса. – М.: Библийско-богословский институт святого апостола Андрея, 2009. Архивировано 1 ноября 2014 года. // Богослов.ру, 14.01.2010.
6. Игумен Иннокентий (Павлов). От Ренана до Данна. Рец. на Джеймс Данн. Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса. – М.: ББИ, 2009. – 207 с.
7. Weiss J. Die Predigt Jesu vom Reiche Gottes / J. Weiss. – Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1892.
8. Schweitzer A. Von Reimarus zu Wrede : eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung / A. Schweitzer. – Tübingen : Mohr-Siebeck, 1906.
9. Bultmann R. K. Jesus / R. Bultmann. – Berlin : Deutsche Bibliothek, 1926. – (Unsterblichen ; Bd. 1).
10. Bornkamm G. Jesus von Nazareth / G. Bornkamm. – Stuttgart : Kohlhammer, 1956.
11. Funk R. W. The five gospels : the search for the authentic words of Jesus / R. W. Funk, R. W. Hoover, J. Seminar. – New York : Scribner, 1993.
12. Davies S. L. Jesus the healer : possession, trance, and the origins of Christianity / S. L. Davies. – New York : Continuum, 1995.
13. Borg M. Jesus : uncovering the life, teachings, and relevance of a religious revolutionary / M. Borg. – San Francisco, CA : HarperSanFrancisco, 2006.
14. Неклюдов, К. В. Археология Галилеи и "третий поиск исторического Иисуса". В сб.: Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. – М., 2017. – С. 199-214.
15. Wright N. T. Jesus and the victory of God / N. T. Wright. – London : Society for

Promoting Christian Knowledge, 1996.

16. Borg M. The apocalyptic Jesus: a debate / M. Borg, D. C. Allison, J. D. Crossan, S. J. Patterson ; ed. by R. J. Miller. – Santa Rosa, CA : Polebridge Press, 2001.
17. Roth D. The Text of Marcion's Gospel. – Leiden, 2015. – P. 7-45.
18. Klinghardt M. Das älteste Evangelium und die Entstehung der kanonischen Evangelien. Bd. I-II. – Tübingen, 2015.
19. Vinzent M. Marcion and the Dating of the Synoptic Gospels // King's College, London.
20. Иосиф Флавий. Иудейские древности. / Пер. Г. Г. Генкеля. – СПб., 1900. – В 2 т. Т. 1. 717 стр. Т. 2. 420 стр. – Переизд.: с пред. и прим. В. А. Федосика и Г. И. Довгяло. – Минск, Беларусь, 1994. – Т. 1. 560 стр. Т. 2. 608 стр.
21. Церковная история / Евсевий Кесарийский; Ввод. ст., коммент. И.В. Кривушина. – Научное издание. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2013. – 544 с.
22. Тацит Публий Корнелий. Анналы. – М.: Родина, 2023. – 448 с.
23. Хаберл, Чарльз; МакГрат, Джеймс. Мандейская книга Иоанна: критическое издание, перевод и комментарий. – Berlin: De Gruyter, 2020. – ISBN 978-3-11-048651-3. – OCLC 1129155601.
24. Мецгер, Брюс М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – Издательский дом: ББИ, 2008. – 332 с.
25. Ястребов Г. Г. Кем был Иисус из Назарета?. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с. – EDN: QURPHL.
26. Десницкий А. С., Степанцов С. А., протоиерей Леонид Грилихес, Виноградов А. Ю., Ткаченко А. А. Евангелие. Часть II // Православная энциклопедия. – М., 2007.
27. Подвижники: Избранные жизнеописания и труды. – Самара: Изд. дом "Агни", 1998-. – Т. 2. – 1999. – 319, [1] с., [18] л. цв. ил. / Св. Иероним Стридонский. О знаменитых мужах. – С. 176-226.
28. Евлампиев И.И. Неисказенное христианство и его первоисточники // Соловьёвские исследования. Выпуск 4(52), 2016.
29. Хазарзар Р. Сын Человеческий. – М., 2004. – С. 19-21, 25-27.
30. Рычков А. Л. Гностическое христианство в истории европейской философии: от Маркиона до наших дней // Соловьёвские исследования. Выпуск 2(57), 2018.
31. Gospel and the New Testament: Catalyst or Consequence? // New Testament Studies. 2017. Vol. 63 (2).
32. Св. Иустин-философ и мученик: Творения / [Пер. предисл. А.И. Сидорова]. – Репринт. изд. – Москва : Паломник : Благовест, 1995. – 484 с. (Библиотека отцов и учителей церкви) / Отдел I. – С. 1-124.
33. Woodhead, Linda. Christianity: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2004. – ISBN 978-0199687749.
34. Койсин В. "Евангельские цитаты в раннехристианских посланиях: опыт статистического исследования" / Электронный ресурс. URL: https://lib.rmvoz.ru/bigzal/koissin_yevangeljskiye-tsitaty-v-rannekhristianskikh-poslaniyakh (дата последнего обращения 16.10.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора